

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

© Центр содействия международной защите, www.ip-centre.ru. Разрешение опубликовать этот перевод дано исключительно с целью его включения в базу данных Суда HUDOC.

© Centre of Assistance to International Protection, www.ip-centre.ru. Permission to republish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

Европейский Суд по правам человека

Вторая секция

ДЕЛО ТРУБНИКОВ ПРОТИВ РОССИИ
(жалоба № 49790/99)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Страсбург

5 июля 2005 года

Данное постановление станет окончательным при условиях, установленных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. Оно может стать предметом редакционного пересмотра.

В деле Трубников против России,

Европейский Суд по правам человека (вторая секция) на своем заседании в составе палаты:

Г-н Ж.-П. Коста, *Председатель*,
Г-н И. Кабрал Баррето,
Г-н Р. Тюрмэн,
Г-н В. Буткевич,
Г-н М. Угрехелидзе,
Г-н А. Ковлер,
Г-жа Д. Йочинэ, *судьи*,
и Г-жа С. Долле, *Секретарь секции*,
Посоветовавшись 14 июня 2005 года,
Вынес следующее решение, принятое в указанный день:

ПРОЦЕДУРА

1. Рассмотрение дела было инициировано жалобой (№ 49790/99) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России Владимиром Григорьевичем Трубниковым. Заявитель, освобожденный от оплаты юридической помощи, был представлен в суде Каринной Акоповной Москаленко, адвокатом, практикующим в Москве.

2. Правительство Российской Федерации («Правительство») было представлено г-ном П. Лаптевым, Представителем Российской Федерации в Европейском Суде по правам человека.

3. Заявитель утверждал, что национальные власти были в ответе за смерть его сына, Виктора Трубникова, которая наступила в колонии. Он также утверждал, что власти не провели расследования обстоятельств смерти его сына. Он ссылается на статью 2 Конвенции.

4. Жалоба была передана во вторую секцию Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). Из состава данной секции в соответствии с пунктом 1 правила 26 была образована палата для рассмотрения данного дела. 1 ноября 2001 года и 1 ноября 2004 года Суд сменил состав секций (пункт 1 правила 25). Данное дело было передано во вновь образованную вторую секцию.

5. Решением от 14 октября 2003 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявитель и правительство представили замечания по существу (пункт 1 правила 59). После консультаций со сторонами палата решила, что отсутствует необходимость в проведении устных

слушаний по существу (пункт 3 правила 59 *in fine*), и стороны обменялись письменными ответами на соображения друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1940 году и проживает в поселке Хохольский Воронежской области. Он является отцом Виктора Трубникова, который 13 сентября 1998 года был обнаружен мертвым в камере штрафного изолятора колонии, где отбывал наказание. Он умер от асфиксии, наступившей в результате повешения. На момент смерти Виктору Трубникову было 26 лет. Через 21 день его должны были освободить.

8. Обстоятельства дела, представленные сторонами, кратко могут быть изложены следующим образом.

9. 8 июля 1993 года Виктор Трубников был заключен под стражу в связи с возбуждением против него уголовного дела.

10. 30 августа 1993 года Виктор Трубников был признан виновным в совершении неосторожного убийства и приговорен к семи годам лишения свободы. Он отбывал наказание в исправительно-трудовой колонии ОЖ 118/8 в г. Россошь, Воронежской области. Его должны были освободить условно-досрочно 4 октября 1998 года.

11. Согласно представленной правительством документации, в 1993-1995 гг. Виктор Трубников трижды задерживался в состоянии алкогольного опьянения и помещался в штрафной изолятор. Во время второго дисциплинарного наказания Виктор Трубников нанес себе телесные повреждения, а во время третьего дисциплинарного наказания совершил попытку самоубийства (см. раздел «Медицинская документация»).

12. После совершения попытки самоубийства Виктор Трубников был поставлен на учет у психиатра.

13. 13 сентября 1998 года футбольная команда колонии, в которой играл Виктор Трубников, участвовала в матче за пределами колонии.

14. По возвращении в колонию после матча Виктор Трубников был задержан, так как находился в состоянии алкогольного опьянения. В 19.15 офицер колонии поместил его в штрафной изолятор, где он должен был находиться в одиночной камере вплоть до прихода начальника колонии следующим утром. В 20.20 Виктор Трубников был обнаружен мертвым, повешенным на рукаве собственной куртки, другой рукав которой был закреплен на водопроводной трубе.

15. В тот же вечер начальником колонии было произведено расследование. Он изучил шесть документов: (i) постановление о помещении Виктора Трубникова в штрафной изолятор, (ii) акт о дисциплинарном нарушении, (iii) рапорт об обнаружении трупа Виктора Трубникова, (iv) протокол осмотра места происшествия, (v) схема места происшествия и (vi) акт о смерти. На основании данной документации начальник колонии пришел к выводу, что Виктор Трубников повесился на рукаве своей куртки, и принял решение об отказе в проведении расследования, так как не было обнаружено признаков преступления. Было также указано на попытку самоубийства, совершенную Виктором Трубниковым в июне 1995 года, и утверждалось, что у него были склонности к самоубийству.

16. 15 сентября 1998 года было произведено вскрытие. В октябре 1998 года был опубликован отчет о вскрытии, согласно которому на носу, кисти, предплечье и локте были обнаружены ссадины и кровоподтеки. Эксперт пришел к выводу, что смерть наступила в результате сдавливания органов шеи при повешении.

17. Заявителю устно сообщили о том, что его сын покончил с собой. Он обращался с требованием о проведении расследования к администрации колонии. Администрация не сообщила заявителю о том, что уже было принято решение не начинать расследование.

18. В марте 1999 года заявитель обратился в Прокуратуру Воронежской области с просьбой сообщить обстоятельства смерти сына. Этот запрос был передан в Прокуратуру г. Воронежа по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях.

19. 8 апреля 1999 года Прокуратура г. Воронежа по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях сообщила заявителю о решении не проводить расследование обстоятельств смерти Виктора Трубникова в рамках уголовного судопроизводства. Заявителю сообщили о том, что его сын характеризовался положительно, неоднократно поощрялся и не имел неприязненных отношений с другими заключенными и с администрацией колонии. Ему также сообщили о том, что при данных обстоятельствах решение об отказе в проведении расследования было законным и обоснованным.

20. 16 апреля 1999 года Прокуратура Воронежской области сообщила заявителю об отказе в возбуждении уголовного дела и предложила ознакомиться с материалами, касающимися смерти его сына, 30 апреля 1999 года.

214. 30 апреля 1999 года заявитель явился в назначенное время в Прокуратуру для ознакомления с материалами дела. Однако соответствующее должностное лицо отсутствовало, и он не получил допуска к материалам дела.

22. 26 июня 1999 года заявитель получил копию решения начальника колонии от 13 сентября 1998 года.

23. 18 сентября 2000 года заявитель обратился в Россошанский районный суд Воронежской области с просьбой провести расследование смерти его сына. Однако 2 октября 2000 года суд признал себя некомпетентным по этому вопросу. Он заявил, что возбуждение уголовного дела находится в компетенции Прокуратуры.

24. После коммуникации дела судом правительству государства-ответчика, 5 февраля 2002 года Прокуратура Воронежской области отменила решение от 13 сентября 1998 года и начала расследование смерти Виктора Трубникова.

25. 23 марта 2001 года заявитель обратился в тот же районный суд с требованием признать незаконным отказ начальника колонии в возбуждении уголовного дела.

26. 20 марта 2002 года Россошанский районный суд Воронежской области признал незаконным решение от 13 сентября 1998 года. В то же время, суд прекратил рассмотрение дела заявителя ввиду отсутствия необходимости, так как в этом отношении уже существовало решение прокуратуры от 5 февраля 2002 года.

27. В июне 2002 года были проведены две судебно-медицинские экспертизы. Во-первых, были назначены эксперты для проведения нового вскрытия тела. Во-вторых, другой состав экспертов провел посмертную психолого-психиатрическую экспертизу Виктора Трубникова.

28. Результаты вскрытия, в сущности, были идентичны выводам первого отчета о вскрытии, а именно, они показали, что смерть наступила в результате механической асфиксии (более точно, давления), и что на момент смерти Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения средней степени.

29. 27 июня 2002 года было подготовлено заключение посмертной психиатрической экспертизы. Эксперты пришли к выводу, что на момент смерти Виктор Трубников не был предрасположен к самоубийства в связи с каким-либо психическим расстройством, в том числе временным. Тем не менее, они пришли к выводу о том, что заявитель находился в состоянии алкогольного опьянения, которое могло повлиять на его решение покончить с собой.

30. В рамках расследования были допрошены следующие свидетели, давшие следующие показания:

(i) шесть сотрудников, дежуривших на КПП колонии, когда Виктор Трубников вернулся после футбольного матча, показали, что он находился в состоянии алкогольного опьянения и вел себя агрессивно. Поэтому его пришлось поместить в штрафной изолятор. Все сотрудники утверждали, что к нему не применялась физическая сила.

(ii) Двое заключенных, игравших в той же футбольной команде, показали, что, когда они вернулись с матча, Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения, и что именно поэтому он был задержан надзирателями на КПП. Они заявили, что на КПП ему не угрожали и не применяли физической силы.

(iii) Трое других заключенных, хорошо знавших Виктора Трубникова, показали, что он был в хороших отношениях с другими заключенными и с надзирателями и что конфликтов между ним и администрацией колонии не было.

(iv) Шесть сотрудников, дежуривших в штрафном изоляторе, когда умер Виктор Трубников, показали, что он был помещен в камеру около 19.30 и найден мертвым во время приема дежурства в 20.15. Они заявили, что ему была оказана первая помощь, но было уже слишком поздно.

(v) Заключенные Л. и М. показали, что они содержались в камерах штрафного изолятора, соседних с камерой, где находился Виктор Трубников. М. показал, что сначала они переговаривались через стену, но затем Виктор Трубников затих. Ни один из них не слышал какого-либо шума или криков.

(vi) Два сотрудника показали, что они были свидетелями предыдущей попытки Виктора Трубникова покончить с собой в 1995 году и что они оказали ему тогда первую помощь. Они придерживались мнения, что та попытка не была настоящим покушением на самоубийство. Они считали, что таким образом Виктор Трубников пытался привлечь к себе внимание и доказать свою независимость.

(vii) Г-жа К., психиатр, наблюдавшая Виктора Трубникова, показала, что его первая попытка самоубийства была демонстративной и не отражала истинного желания умереть. На основании своих наблюдений она также считала, что была вероятность того, что он вторично предпримет такую попытку, также демонстративную и не нацеленную на лишение себя жизни, и что вероятность такого поведения при употреблении алкоголя усиливалась.

31. 10 октября 2002 года Прокуратура г. Воронежа по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, установив, что Виктор Трубников покончил жизнь самоубийством, прекратила расследование.

32. 3 марта 2003 года заявитель получил копию постановления о прекращении уголовного дела от 10 октября 2002 года.

В. Медицинская документация.

33. Правительство предоставило ряд медицинских документов, отражающих состояние Виктора Трубникова на протяжении его

заклучения. Те отрывки копий, которые можно прочесть, содержат следующие сведения.

34. 13 июля 1993 года, после задержания, Виктора Трубникова осмотрел психиатр, признавший состояние его здоровья удовлетворительным.

35. 10 сентября 1994 года тест на содержания алкоголя в крови показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Он был помещен в штрафной изолятор.

36. 21 марта 1995 года тест на содержания алкоголя в крови показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Он был помещен в штрафной изолятор, где нанес себе раны, описанные следующим образом:

“В знак протеста против изоляции в ШИЗО [Виктор Трубников] нанес себе три резаные раны живота размером 10х2 см, 8х2 см и 6х1 см, глубиной до 1.5 см. Кровотечение умеренное...”

37. С 21 по 27 марта 1995 года Виктор Трубников содержался в медицинской части для лечения нанесенных им самим ран.

38. 22 июня 1995 года тест на содержания алкоголя в крови показал, что Виктор Трубников находился в состоянии алкогольного опьянения. Он был помещен в штрафной изолятор, где совершил попытку самоповешения, описанную следующим образом:

“Срочный вызов... суицидальная попытка. Трубников, находившийся в ШИЗО, камера № 22, вешался на капроновых нитках на водосточной трубе... Необходима консультация психиатра”.

39. После данного инцидента Виктор Трубников состоял на учете у психиатра, г-жи К., внесшей следующие записи в документы.

23 июня 1995 года:

“Жалобы на снижение настроения, мысли о нежелании жить, слабость, бессонницу, раздражительность. Психологический статус: в контакт вступает. Ориентирован в месте, времени, собственной личности правильно. Фон настроения снижен. Мышление последовательное. Память и интеллект не нарушены. Острой психопродуктивной симптоматики на момент осмотра нет. Диагноз: кратковременная депрессивная реакция; суицидальная попытка. (i) [прописанные лекарства]; (ii) психотерапия”.

24(29) июня 1995 года:

“В сознании. В контакт вступает. Настроение снижено. Мышление последовательное. Демонстративен. Причину суицидальной попытки объясняет: «надоела такая жизнь». Не критичен к совершенному суициду. Память и интеллект не нарушены. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: кратковременная депрессивная реакция. Суицидальная попытка. Установочное поведение. Лечение продолжить”.

30 июня 1995 года:

“Жалоб нет. Настроение ровное. Установки положительные. Занимается спортом. Мышление последовательное. Память и интеллект не нарушены.

Острой психопродуктивной симптоматики нет. Критичен к совершенному суициду. Прописана рациональная психотерапия. Следующий прием назначен на 25 декабря 1995 года”.

25 декабря 1995 года:

“Жалоб нет. Настроение ровное. Демонстративен. Мышление последовательное. Память и интеллект не нарушены. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: установочное поведение. Прописана рациональная психотерапия. Следующий прием назначен на 25 июня 1996 года”.

25 июня 1996 года:

«Жалобы на снижение настроения, слабость, раздражительность, бессонницу, снижение работоспособности. Мышление последовательное. Память и интеллект не нарушены. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: неврастения, гипостеническая форма. Следующий прием назначен на 25 декабря 1996 года».

25 декабря 1996 года:

“Жалоб нет. Настроение ровное. Мышление последовательное. Критичен к совершенному в прошлом суициду. Память и интеллект не нарушены. Демонстративен. Диагноз: неврастения, гипостеническая форма. Следующий прием назначен на 25 июня 1997 года”.

25 июня 1997 года:

“Настроение неустойчивое. Мышление последовательное. Критичен к совершенному суициду в прошлом. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: неврастения, гипостеническая форма. Следующий прием назначен на 25 декабря 1997 года”

25 декабря 1997 года:

“Жалобы на снижение настроение, слабость, бессонницу, раздражительность. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Настроение снижено. Следующий прием назначен на 25 июня 1998 года”.

Следующая запись датирована 25 июня 1997 года, хотя она следует сразу же за приведенной выше записью от 25 декабря 1997 года:

“Состояние улучшилось. Настроение выровнялось. Мышление последовательное. Память и интеллект не нарушены. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: тот же. Следующий прием назначен на 25 декабря 1998 года”.

Следующая запись датирована 17 февраля 1997 года, хотя она следует сразу же за приведенной выше записью, датированной 25 июня 1997 года:

“Жалоб нет. Настроение ровное, снижено. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Диагноз: депрессивная реакция. Суицидальная попытка в прошлом. На момент осмотра жалоб нет. [Установочное поведение]. Следующий прием назначен на 17 августа 1998 года. Рац[иональная] психотерапия”.

40. 8 августа 1999 года психологический тест показал, *inter alia*, потенциальное психиатрическое состояние, склонность к импульсивным реакциям и, возможно, склонность к конфликтам.

41. Последняя запись при жизни Виктора Трубникова относится к 17 августа 1998 года:

“ Жалобы на снижение настроения, слабость, бессонницу, раздражительность. В контакт вступает. Ориентирован правильно. Настроение снижено. Мышление последовательное. Острой психопродуктивной симптоматики нет. Суицидальных мыслей нет. Диагноз: кратковременная депрессивная реакция. Следующий прием назначен на...[неразборчиво].”

42. 20 февраля 2002 года заместитель начальника колонии, начальник медицинской части, выдал справку о том, что Виктор Трубников состоял на учете у психиатра с диагнозом неврастения и психопатизация личности с депрессивными реакциями.

II. Применимое внутреннее законодательство

А. Наблюдение за заключенными, имеющими суицидальные тенденции

43. Статья 20 Конституции Российской Федерации защищает право на жизнь.

44. Основы законодательства Российской Федерации по охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года предусматривает, что лица, отбывающие наказание в местах лишения свободы, имеют право на получение медицинской помощи за счет бюджетных средств, в необходимых случаях в учреждениях государственной системы здравоохранения (статья 29).

45. “Закон Российской Федерации об органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы” от 21 июля 1993 года предусматривает обязанность учреждений, исполняющих наказания, обеспечивать безопасность и охрану здоровья осужденных (статья 13).

46. Статья 18 Уголовно-исполнительного Кодекса 1997 года, в редакции, действовавшей в рассматриваемый период, предусматривала, что к осужденным, страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, применяются принудительные меры медицинского характера. Для применения таких мер было необходимо решение суда.

После недавней редакции Кодекса та же статья уточняет, что такие осужденные включают лиц, представляющих опасность для себя и для других. В действующей редакции статья обязывает администрацию учреждения выявить такого осужденного и направить в суд

представление о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

В. Проведение расследования

47. Уголовно-процессуальный кодекс 1960 года, действовавший в рассматриваемый период, предусматривал обязанность компетентного органа возбудить уголовное дело в случае обнаружения признаков преступления. Такой орган был обязан принять все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию. Решение о возбуждении уголовного дела должно было быть вынесено в течение трех суток со дня получения первого сообщения о соответствующих обстоятельствах (статьи 3, 108-109).

48. Статья 5 предусматривала, что уголовное дело не может быть возбуждено за отсутствием *corpus delicti*. Если орган следствия или дознания отказывает в возбуждении уголовного дела или прекращает уголовное дело, об этом должно быть вынесено мотивированное постановление. Данные решения могли быть обжалованы вышестоящему прокурору или в суд (статьи 113 и 209).

49. Лица, признанные потерпевшими, в рамках уголовного судопроизводства могли представлять доказательства и заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела с момента окончания предварительного следствия, а также могли заявлять отводы и приносить жалобы на постановления и определения суда и приговоры, вынесенные по данному делу (статья 53).

ПРАВО

I. ОЦЕНКА СУДОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ

A. Оценка медицинской документации

50. Суд должен установить, свидетельствуют ли обстоятельства данного дела о том, что государство-ответчик не защитило право заявителя на жизнь и не выполнило процессуальные обязательства по проведению достаточного и эффективного расследования инцидента, предусмотренные статьей 2 Конвенции. Суд обратился к правительству с просьбой о предоставлении медицинской карты Викторы Трубникова, чтобы получить описание состояния Виктора

Трубникова до его смерти и установить, имело ли место достаточное медицинское наблюдение,

51. Правительство предоставило ксерокопию того, что, по его утверждению, являлось записями психиатра, сделанными при жизни Виктора Трубникова. Правительство не уточнило, была ли это ксерокопия самой медицинской карты или отдельных справок. Вследствие низкого качества ксерокопии, разрозненной хронологии записей, в частности, относящихся к периоду с 1997 по 1998 год, и отсутствию нумерации страниц, невозможно установить последовательность записей, а также, если это отдельная справка, кто ее выдал и когда.

52. Поэтому Суд запросил у правительства оригинал медицинской карты. Правительство отказалось это сделать на том основании, что было ненадежно извлекать медицинскую карту из архива колонии, где она находилась. Суд повторил свой запрос, заверив правительство, что оригинал будет возвращен российским властям по окончании разбирательства. Однако правительство по-прежнему отказывалось выполнить запрос Суда.

53. В связи с вышеизложенными обстоятельствами, Суд принял решение о рассмотрении дела по существу на основании имеющихся в деле документов, хотя определенные обстоятельства остаются неясными ввиду фрагментарности медицинской документации.

В. Выводы Суда в соответствии со статьей 38 § 1 (а)

54. Статья 38 § 1 (а) Конвенции гласит:

“Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он:

(а) продолжает рассмотрение дела с участием представителей заинтересованных сторон и, если это необходимо, осуществляет исследование обстоятельств дела, для эффективного проведения которого заинтересованные государства создают все необходимые условия...”

55. Суд напоминает, что для эффективной функционирования системы индивидуальных жалоб, установленной статьей 34, исключительную важность представляет создание государствами всех необходимых условий для обеспечения проведения надлежащего и эффективного рассмотрения жалоб (см., как новейший авторитетный источник, *Orhan v. Turkey*, № 25656/94, § 266, 18 июня 2002 года, и *Tanrikulu v. Turkey* [GC], № 23763/94, § 70, ECHR 1999-IV). Неотъемлемой чертой судебного разбирательства по таким делам, когда индивидуальный заявитель обвиняет должностных лиц государства в нарушении его прав, гарантированных Конвенцией, является, в определенных случаях, наличие только у правительства государства-ответчика доступа к информации, которая может

подтвердить или опровергнуть доводы заявителя. Непредоставление правительством такой информации, если она находится в его распоряжении, без удовлетворительного объяснения причин может не только натолкнуть на мысль об обоснованности обвинений заявителя, но и негативно отразиться на степени исполнения государством-ответчиком его обязательств в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции (см. *Timurtaş v. Turkey*, № 23531/94, §§ 66 и 70, ECHR 2000-VI). То же относится и к случаям, когда государство намеренно затягивает предоставление информации, что препятствует установлению обстоятельств по делу (см. *Orhan v. Turkey*, § 266).

56. В свете вышеизложенных принципов и принимая во внимание обязательства правительства в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции, Суд изучил поведение правительства в данном деле, уделив особое внимание его отказу предоставить оригинал медицинской карты в связи с наблюдением Виктора Трубникова у психиатра, предшествовавшим его смерти.

57. Суд приходит к выводу, что правительство не предоставило убедительного объяснения причин такого отказа. Следовательно, Суд считает возможным сделать определенные выводы из поведения правительства в данном деле (ср. *Orhan v. Turkey*, § 274). Учитывая трудности, связанные с установлением обстоятельств по данному делу, и важность сотрудничества правительства государства-ответчика в установленной Конвенцией процедуре, Суд считает, что правительство не создало всех необходимых условий для того, чтобы Суд выполнил свою задачу по установлению обстоятельств, как это предусмотрено статьей 38 § 1 (а) Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

158. Первое предложение статьи 2 Конвенции гласит:

“1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. ...”

59. Заявитель обратился с жалобой на то, что власти не защитили право его сына на жизнь и были в ответе за его смерть. Он также обратился с жалобой на то, что расследование обстоятельств смерти его сына не было достаточным и эффективным, как это предусмотрено процессуальным обязательством, налагаемым статьей 2 Конвенции.

А. Позитивное обязательство по защите права на жизнь

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

60. Заявитель утверждает, что имело место нарушение возложенного на власти позитивного обязательства по защите права его сына на жизнь. Во-первых, он заявляет, что власти знали о суицидальных наклонностях Виктора Трубникова и его последующем наблюдении у психиатра колонии.

61. Далее, заявитель утверждает, что, даже если власти отрицают наличие у них таких сведений, на основании данных, которые находились в их распоряжении, они, по меньшей мере, должны были знать о существовании реального и неизбежного риска совершения им самоубийства.

62. Заявитель также отметил неточность и необоснованность выводов, сделанных следователем в отношении состояния здоровья Виктора Трубникова. Ссылаясь на медицинскую карту, он заявил, что, исходя из данного документа, невозможно с уверенностью сделать вывод о том, что Виктор Трубников обладал устойчивой психикой. Он также оспаривал выводы посмертной психолого-психиатрической экспертизы как расходящиеся с оценкой психиатра колонии, которую она давала на протяжении регулярного наблюдения. Он видел противоречие в том, что психиатр описывала Виктора Трубникова эмоциональным, демонстративным и безответственным, но в то же время с устойчивой психикой, в то время как в заключении посмертной экспертизы недвусмысленно говорится о том, что он психиатрическими расстройствами не страдал и в общем был здоров. Заявитель утверждал, что из-за невозможности сделать четкие выводы о состоянии здоровья Виктора Трубникова на основании его медицинской карты, напрашивается вывод о том, что его поведение со временем менялось. При таких обстоятельствах, даже если не всегда существовал реальный и непосредственный риск, власти были обязаны тщательно следить за состоянием его здоровья на случай резкого ухудшения. В любом случае, заявителю трудно поверить в то, что состояние психики Виктора Трубникова было нормальным и устойчивым, так как власти не могут иначе объяснить его самоубийство, тем самым усиливая сомнения в том, что это было действительно самоубийство. Сам заявитель не может исключить возможности того, что его сын на самом деле был убит соседом по камере или контролером.

63. В целом, заявитель считает, что власти не приняли мер, направленных на предотвращение смерти Виктора Трубникова, наступившей в результате самоубийства погибшего или действий

другого лица. Заявитель считает, что неприменения подобных мер влечет наступление ответственности властей в соответствии со статьей 2 Конвенции.

(b) Правительство

64. Правительство заявило, что администрация колонии не могла предвидеть самоубийство Виктора Трубникова.

65. Правительство подтвердило, что Виктору Трубникову был поставлен диагноз неврастения, и что он обладал психопатической личностью с депрессивными реакциями, а также предыдущее нанесение им себе ранений при помещении в штрафной изолятор. Тем не менее, правительство придерживалось мнения, что помещение его в штрафной изолятор было достаточно безопасным, так как он никогда не проявлял истинного намерения самоубийства, а его предыдущее покушение было только «демонстративным». Следствие, проведенное в 2002 году, заключило, что существовала вероятность повторной попытки самоубийства со стороны Виктора Трубникова, но данное действие было бы исключительно демонстративным и не нацеленным на причинение смерти. Было установлено, что суицидальное поведение Виктора Трубникова было всего лишь попыткой манипуляции администрацией колонии с целью избежать повторного помещения в штрафной изолятор. Правительство сослалось на заключение посмертной психолого-психиатрической экспертизы 2002 года, в соответствии с которым вероятность такого поведения в состоянии опьянения усиливалась.

66. Правительство заявило, что действия дежурного офицера были законными и соответствовали обстоятельствам, так как он никак не мог знать ни о реальной, ни о прямой угрозе жизни Виктора Трубникова, когда он временно поместил его в штрафной изолятор. Правительство заявило, что на тот момент в колонии медицинских работников не было, так как соответствующие правила не предусматривают их присутствие в выходные дни. Тем не менее, в целях исключения суицидальной попытки перед помещением в штрафной изолятор у Виктора Трубникова были изъяты шнурки и брючный ремень. Кроме того, штрафной изолятор находился под надзором; однако в связи с непродолжительностью пребывания Виктора Трубникова в штрафном изоляторе (около часа) это не смогло предотвратить попытку суицида.

2. Оценка Суда

(a) Принципы, установленные в прецедентном праве суда

67. Суд повторяет, что статья 2, гарантирующая право на жизнь, считается одним из основных положений Конвенции. Как и в статье 3,

в ней закреплена одна из главных ценностей демократических обществ, создавших Совет Европы. Цель и предназначение Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц требуют такого толкования и применения статьи 2, чтобы ее гарантии были конкретными и эффективными (см. *McCann and Others v. the United Kingdom*, решение от 27.09.1995, Series A no. 324, стр. 45-46, §§ 146-147).

68. Первое предложение статьи 2 § 1 предписывает государству не только воздерживаться от намеренного и незаконного лишения жизни, но и принимать необходимые меры по обеспечению права на жизнь тех лиц, которые находятся в юрисдикции данного государства (см. *L.C.B. v. the United Kingdom*, решение от 9.06.1998, *Reports* 1998-III, стр. 1403, § 36). Что касается осужденных, Суд уже имел возможность подчеркнуть, что лица, лишённые свободы, находятся в уязвимом положении и что власти обязаны защищать их. Государство обязано нести ответственность за любое увечье, причиненное во время лишения свободы, и данное обязательство особенно актуально в случае смерти лица (см., к примеру, *Salman v. Turkey* [GC], no. 21986/93, ECHR 2000-VII, § 99).

69. Помня о том, с какими трудностями связано поддержание правопорядка в современном обществе, как непредсказуемо человеческое поведение и как сложно принимать оперативные решения в отношении приоритетов и имеющихся возможностей, позитивное обязательство необходимо толковать таким образом, чтобы оно не создавало непреодолимых и чрезмерных трудностей для властей. Соответственно, не каждый риск для жизни, о котором было сделано заявление, может повлечь применение к властям требования Конвенции о принятии оперативных мер по предотвращению реализации такой возможности. Для того чтобы возникло позитивное обязательство в отношении осужденного, имеющего суицидальные наклонности, необходимо установить, что власти в рассматриваемый период знали или должны были знать о существовании реального и непосредственного риска для жизни соответствующего лица и в рамках своих полномочий не приняли мер, которые можно было объективно ожидать в целях предотвращения такого риска (см. *Keenan v. the United Kingdom*, no. 27229/95, §§ 89 и 92, ECHR 2001-III).

70. Суд признал, что администрация места лишения свободы должна выполнять свои обязанности таким образом, который не нарушает прав и свобод отдельного заключенного, о котором идет речь. Существуют общие меры предосторожности, которые, без ущемления индивидуальной автономии, должны быть доступны для уменьшения возможностей причинения осужденным увечья себе самому. Необходимость применения более решительных мер по отношению к заключенному и рациональность их применения будут зависеть от обстоятельств (см. *Keenan v. The United kingdom*, § 91).

(b) Применение указанных принципов в данном деле

71. В свете вышеизложенного, Суд рассмотрел вопрос о том, знали ли власти, или обязаны были знать, о том, что существовал реальный и непосредственный риск самоубийства Виктора Трубникова и, если так, сделали ли они все то, что могло объективно ожидать от них, с целью предотвратить этот риск.

72. Суд отмечает, что Виктор Трубников, хотя и был признан лицом с определенными психологическими отклонениями, отбывал наказание в колонии общего режима. В первые годы отбывания наказания он проявил склонность к нанесению себе увечий в ответ на применение к нему дисциплинарных взысканий, если находился под воздействием алкоголя, а в 1995 году, более чем за три года до рассматриваемых событий, он совершил попытку самоубийства. Это покушение расценили скорее как «крик о помощи», а не как истинную попытку покончить с собой. После данного происшествия он прошел лечение и наблюдение у психиатра, и каждые полгода психиатр контролировал его психическое состояние.

73. Суд отмечает, что состояние Виктора Трубникова не было настолько серьезным, чтобы вызвать необходимость вынесения решения суда, назначающего принудительные меры медицинского характера. Согласно медицинской карте колонии, острая психопродуктивная симптоматика у него не наблюдалась, в том числе после его покушения на самоубийство в 1995 году. Медицинская карта скорее свидетельствует о расстройстве личности и поведенческих отклонениях, которые, по всей видимости, не достигали уровня психического заболевания (см., напротив, *Keenan v. The United Kingdom*, §§ 94-95).

74. Таким образом, не было установлено, что поведение Виктора Трубникова было связано с каким-либо длительным психиатрическим расстройством. Более того, ни психиатр Виктора Трубникова, ни другие должностные лица, осуществлявшие надзор за ним, не высказывали мнения о том, что в будущем Виктор Трубников мог совершить серьезную попытку самоубийства или нанести себе увечье. Следовательно, отсутствовало формальное признание фактов, исходя из которого Суд мог бы сделать вывод о том, что власти знали о неминуемой угрозе жизни Виктора Трубникова.

75. Что касается обязанности властей предвидеть такой возможность, Суд отмечает, что за последние три года жизни, когда Виктор Трубников находился под наблюдением психиатра, опасных симптомов, таких как продолжение развития суицидальных наклонностей, он не проявлял. Напротив, в медицинской карте отражено определенное улучшение в его собственном отношении к предыдущей попытке самоубийства. По всей видимости, после первичного интенсивного лечения, которое Виктор Трубников прошел

в 1995 году, его общее психическое и эмоциональное состояние стабилизировалось и не менялось на протяжении более трех лет. В этот период не были отмечены сколько-нибудь значительные колебания, и состояние Виктора Трубникова последовательно описывалось как стабильное. Суд признает, что в данной ситуации было бы сложно предвидеть какое-либо резкое и значительное ухудшение, способное привести к самоубийству Виктора Трубникова.

76. По этим причинам Суд не считает, что в данной ситуации власти объективно могли предвидеть решение Виктора Трубникова о самоповешении. Суд также не находит какого-либо явного бездействия со стороны внутренних властей по предоставлению медицинской помощи и по наблюдению за психическим и эмоциональным состоянием Виктора Трубникова на протяжении его заключения, которое могло бы помешать им правильно оценить ситуацию.

77. Тем не менее, Суд считает, что история болезни Виктора Трубникова должна была заставить власти с осторожностью отнестись к тому факту, что сочетание алкогольного опьянения с дисциплинарным взысканием представляло определенный риск для его здоровья. Для Суда важен факт, что в тот роковой день Виктору Трубникову удалось достать спиртное. Тем не менее, Суд не считает, что данного упущения достаточно, чтобы возложить на национальные власти полную ответственность за смерть Виктора Трубникова.

78. С учетом вышеизложенного, Суд не считает, что при обстоятельствах данного дела российские власти нарушили обязанность по предотвращению реального и непосредственного риска самоубийства, или что их иные действия нарушали позитивные обязательства гарантировать право на жизнь.

79. Таким образом, статья 2 Конвенции не была нарушена в данном отношении.

В. Процессуальное обязательство по проведению эффективного расследования

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

80. Заявитель утверждал, что расследование, проведенное по факту смерти его сына в колонии, не было эффективным, как это предусмотрено прецедентным правом Суда в соответствии со статьей 2 Конвенции.

81. Во-первых, он утверждал, что расследование не было проведено своевременно. Он отметил, что Виктор Трубников умер 13 сентября 1998 года, но расследование было начато только 5 февраля 2002 года,

после того как данное дело было коммуницировано правительству. Он заявил, что трехлетняя задержка не соответствовала критерию своевременности и разумной скорости расследования.

82. Во-вторых, он оспаривал доказательства, полученные после начала расследования. Он заявил, что все свидетели, за исключением одного, не были беспристрастны вследствие их личного участия в деле (сотрудники колонии и медицинские работники) либо зависимости от администрации колонии (заключенные, все еще отбывающие наказание). Заявитель также оспорил записи психиатра и заключение посмертной судебной психолого-психиатрической экспертизы как противоречивые и легко опровергаемые. Далее, он заявил о том, что некоторые доказательства уже не могли быть получены за давностью событий.

83. Наконец, заявитель утверждал, что расследование не было гласным. Он утверждал, что первичное расследование не было достаточно транспарентным, так как близкие родственники даже не были поставлены в известность о решении не возбуждать уголовное дело. Аналогично и в 2002 году ни сам заявитель, ни другие члены семьи не участвовали в расследовании, и им даже не сообщалось о развитии или окончании расследования.

(b) Правительство

84. По мнению правительства, расследование смерти Виктора Трубникова было всесторонним и полным. Во-первых, правительство сослалось на внутреннее расследование, проведенное в колонии сразу после смерти Виктора Трубникова, во-вторых, на расследование, проведенное в 2002 году. Оно настаивало, что, в общем и целом, расследование смерти Виктора Трубникова было эффективным.

2. Оценка Суда

(a) Принципы, установленные в прецедентном праве суда

85. Суд напоминает, что в случаях, когда смерть наступает в условиях, потенциально предполагающих ответственность государства, статья 2 налагает на государство обязанность любыми доступными ему средствами обеспечить адекватную реакцию, будь то судебные или иные действия, с тем чтобы законодательные и административные структуры, созданные для защиты права на жизнь, были должным образом приведены в действие, а любые нарушения права на жизнь – пресечены и наказаны (см. *Öneriyıldız v. Turkey* [GC], no. 48939/99, § 91, ECHR 2004-..., и, *mutatis mutandis*, *Paul and Audrey Edwards v. the United Kingdom*, no. 46477/99, § 54, ECHR 2002-II).

86. В этой связи Суд постановил, что если нарушение права на жизнь или на неприкосновенность не было преднамеренным,

позитивное обязательство по созданию «эффективной судебной системы» не обязательно предполагает возбуждение уголовного дела в каждом случае и может быть исполнено, если пострадавшим был обеспечен доступ к гражданским, административным или даже дисциплинарным средствам защиты» (см., например, *Vo v. France* [GC], no. 53924/00, § 90, ECHR 2004-VII; *Calvelli and Ciglio v. Italy* [GC], no. 32967/96, § 51, ECHR 2002-I; *Mastromatteo v. Italy* [GC], no. 37703/97, §§ 90, 94 и 95, ECHR 2002-VIII). Однако минимальным требованием, предъявляемым к такой системе, является независимость лиц, ответственных за проведение расследования, от тех, кто причастен к событиям. Это означает иерархическую или институциональную, а также практическую независимость (см. *Paul and Audrey Edwards v. The United Kingdom*, § 70, и *Mastromatteo v. Italy*, § 91).

87. Далее, Суд напоминает о том, что в случаях убийства толкование статьи 2 как налагающей обязательство по проведению официального расследования является оправданным не только потому, что любые заявления о подобном правонарушении обычно влекут наступление уголовной ответственности, но и потому, что на практике реальные обстоятельства смерти часто известны, или могут быть известны, только государственным чиновникам или властям. Следовательно, применимые принципы скорее следует искать среди тех принципов, которые Суд уже имел возможность развить в основном в связи с использованием смертельной силы, - принципов, которые могут применяться и к другим категориям дел (см. *Öneryıldız v. Turkey*, § 93).

88. Следовательно, там, где заходит речь о позитивных обязательствах по обеспечению права на жизнь лиц, находящихся в заключении, в соответствии с требованиями статьи 2 должно быть обеспечено независимое и беспристрастное расследование, удовлетворяющее определенным минимальным стандартам эффективности. Таким образом, соответствующие органы власти должны действовать с исключительным вниманием и должны по своей собственной инициативе начать расследование, способное, во-первых, установить обстоятельства происшествия, а также любые упущения в деятельности регулятивной системы, во-вторых, установить, какие чиновники и органы власти причастны к данному делу. Требование гласного рассмотрения также важно в данном контексте (см., например, *Güleç v. Turkey*, решение по делу от 27.07.1998, *Reports* 1998-IV, стр. 1733, §§ 81-82; *Oğur v. Turkey* [GC], no. 21954/93, §§ 88, 91-92, ECHR 1999-III; *Hugh Jordan v. the United Kingdom*, no. 24746/94, § 120; *Kelly and Others v. the United Kingdom*, no. 30054/96, § 114, оба от 4.05.2001; *McCann and Others v. The United Kingdom*, § 161; *Mahmut Kaya v. Turkey*, no. 22535/93, §§ 106-07, ECHR 2000-III; *İlhan v. Turkey*

[GC], no. 22277/93, § 63, ECHR 2000-VII; *McKerr v. the United Kingdom*, no. 28883/95, § 148, ECHR 2001-III).

(b) Применение указанных принципов в данном деле

89. Суд считает, что существовало процессуальное обязательство расследовать обстоятельства смерти Виктора Трубникова. Он был осужденным и находился на попечении властей, которые несли за него ответственность, когда он умер в результате, как представляется, самоубийства. Во-первых, следствие должно было установить причину смерти, чтобы исключить возможность несчастного случая или убийства по неосторожности, во-вторых, после установления факта самоубийства, рассмотреть возможность потенциальной ответственности властей за непредотвращение самоубийства. Следствие должно было соответствовать требованиям, описанным выше (см. § 88).

90. Суд отмечает, что первичное расследование было проведено своевременно, в течение нескольких дней после происшествия. Однако оно не удовлетворяло минимальным требованиям независимости, так как следственный орган – начальник колонии – представлял интересы органа власти, причастного к происшествию. С уверенностью можно утверждать, что расследование было сведено к установлению факта смерти в результате повешения; вопрос о возможной ответственности администрации колонии не поднимался. Далее, данное расследование не удовлетворяло требованию гласного рассмотрения. Бесспорным является тот факт, что семья погибшего не была даже уведомлена об официальном отказе в возбуждении уголовного дела. Наконец, даже национальный суд счел проведенное расследование недостаточным и признал незаконным отказ в возбуждении уголовного дела. С учетом вышеизложенного Суд не может признать, что первичное расследование явилось эффективным расследованием по смыслу прецедентного права суда.

91. Теперь Суд с учетом тех же требований рассмотрит расследование, проведенное в 2002 году.

92. Прежде всего Суд отмечает, что расследование было проведено только после коммуникации Судом настоящей жалобы правительству государства-ответчика, то есть по прошествии трех лет после рассматриваемого события. Суд напоминает, что своевременность расследования играет решающую роль, когда смерть наступает в спорных ситуациях. По прошествии времени количество доступных доказательств неизбежно уменьшится, а их качество – ухудшится; видимость недостаточного внимания поставит под сомнение добросовестность попыток провести расследование, а также повлечет тяжелые испытания для членов семьи (см. *Paul and Audrey Edwards v. The United Kingdom*, § 86). Столь существенная задержка во времени,

необъяснимая в данном деле, не только демонстрирует, что власти не предприняли действий по своей инициативе, но и составляет нарушение обязательства проявить исключительное внимание и расторопность

16. Далее Суд отмечает, что на протяжении всего расследования заявитель и остальные члены семьи были полностью отстранены от участия в следственных действиях. Вопреки обычной практике, установленной внутренним законодательством, они не были признаны потерпевшими в уголовном судопроизводстве, тогда как эта процессуальная роль позволила бы им вмешаться в ход следственных действий. Даже если предположить, что участие семьи могло быть обеспечено по-другому, в данном деле этого не произошло. Не были определены условия доступа членов семьи к материалам уголовного дела. Им не сообщалось о предполагаемых доказательствах и свидетелях, включая назначение экспертов для проведения посмертной психолого-психиатрической экспертизы, вследствие чего они не смогли принять участие в ознакомлении экспертов с материалами дела. Заявитель не получал никакой информации о ходе следствия, а когда оно было прекращено 10 октября 2002 года, заявителю сообщили об этом спустя 5 месяцев. Следовательно, следственные органы не обеспечили достаточного уровня гласности, так как расследование и его результаты не стали предметом гласного рассмотрения; следственные органы также не обеспечили интересы ближайших родственников.

94. Суд отмечает, что власти приняли ряд важных мер по установлению истинных обстоятельств смерти Виктора Трубникова, таких как допрос ключевых свидетелей и назначение экспертов для проведения посмертной психолого-психиатрической экспертизы. Тем не менее, установив, что расследование не удовлетворяло таким важным требованиям, как своевременность, исключительное усердие, инициатива властей и гласное рассмотрение, Суд не считает нужным рассматривать объем данных действий и приходит к выводу, что расследование не соответствовало минимальному стандарту эффективности.

95. Суд приходит к выводу о том, что имело место нарушение предусмотренного статьей 2 § 1 Конвенции обязательства государства-ответчика по проведению эффективного расследования смерти Виктора Трубникова.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

96. Статья 41 Конвенции устанавливает:

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

А. Вред

97. Заявитель запросил компенсацию морального вреда в сумме 8,000 евро в связи с чувствами горя и несчастья, которые он перенес вследствие смерти своего сына, и теми страданиями, которые были вызваны непроведением властями эффективного расследования.

98. Правительство сочло эту сумму чрезмерной и необоснованной. Оно указало, что в случае, если Суд решит дело в пользу заявителя, сам факт установления нарушения станет достаточной компенсацией по данному делу.

99. Суд отмечает, что выше он признал тот факт, что власти не защитили жизнь Виктора Трубникова и не обеспечили проведение своевременного и гласного расследования, удовлетворяющего требованиям статьи 2 Конвенции. Очевидно, что заявитель испытал чувства боли и страдания из-за обстоятельств смерти его сына и своей неспособности добиться проведения эффективного расследования по данному делу. С учетом данных обстоятельств Суд считает требование заявителя разумным и, следовательно, присуждает ему лично 8 000 евро как компенсацию морального вреда.

В. Расходы и издержки

100. Заявитель потребовал 3,000 евро за вычетом суммы, уже выплаченной в качестве оплаты юридической помощи, за расходы и издержки, понесенные им в национальном судопроизводстве и в Суде им самим и его представителями. Он заявил, что заплатил 30,000 рублей (около 1,000 евро) за представление его интересов в национальных судах, но что остальная работа в его интересах была сделана *pro bono*, и он бы хотел выплатить вознаграждение адвокатам за консультации и представительство в национальном судопроизводстве и в Суде.

101. Правительство возражало против этой суммы, считая ее необоснованной. Правительство считало, что данное требование необходимо полностью отклонить.

102. Суд отмечает, что заявитель был освобожден от оплаты юридической помощи в соответствии со схемой по оплате юридической помощи, принятой в Суде, по которой адвокату

заявителя была выплачена сумма в 685 евро, чтобы покрыть расходы, связанные с подачей соображений заявителя по приемлемости и по существу дела. Эта сумма не покрывала расходов на подачу дополнительных соображений.

103. Суд отмечает, что в исполнение статьи 41 Конвенции могут быть возмещены только такие юридические расходы и издержки, которые были понесены действительно и по необходимости и размер которых обоснован. Он отмечает, что данное дело затронуло сложные вопросы факта и права, что потребовало оказания квалифицированной юридической помощи для подачи заявления в Суд и для проведения национального судопроизводства и обусловило написание двух комплектов соображений.

1017. С учетом данных обстоятельств Суд считает требование заявителя обоснованным и, следовательно, присуждает ему 3 000 евро в счет юридических расходов и издержек, за вычетом 685 евро, полученных в качестве юридической помощи от Совета Европы, вместе со всеми подлежащими оплате налогами на добавленную стоимость.

С. Процент за невыплату суммы

105. Суд считает, что процент за невыплату суммы должен равняться учетной ставке Европейского центрального банка плюс три процентных пункта.

ПОЭТОМУ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что не имело места нарушение статьи 2 Конвенции в части позитивных обязательств властей по защите права на жизнь;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в части необеспечения властями эффективного расследования;
3. *Постановил*, что правительство не выполнило обязательства в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции;
4. *Постановил*:
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение Суда становится окончательным, в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы, переведенные в национальную валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты:

- (i) 8000 (восемь тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда;
 - (ii) 2315 (две тысячи триста пятнадцать) евро в качестве компенсации расходов и издержек;
 - (iii) все налоги, которыми эти суммы могут облагаться;
- (b) что по истечении вышеупомянутого трехмесячного срока выплаты должен взыскиваться процент на данную сумму в размере максимальной учетной ставки Европейского центрального банка в период невыплаты плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и объявлено в письменной форме в соответствии с пунктами 2 и 3 Правила 77 Регламента Суда.

С. ДОЛЛЕ
Секретарь

Ж.-П. КОСТА
Председатель